

Грачева Ирина Владимировна

"ПОД СТРОГОЮ ПЛАНЕТОЮ НЕСЧАСТЛИВО РОДИЛСЯ..." (ЗАПИСКИ РЯЗАНСКОГО ДВОРЯНИНА АЛЕКСЕЯ КЛИМОВА)

Мемуары XVIII века прапорщика А. Я. Климова, недавно введенные в научный оборот, рассказывают о необычной судьбе мелкопоместного рязанского дворянина, оказавшегося в водовороте европейских событий Семилетней войны. Материалы, обнаруженные в рязанском архиве, помогают составить более полное представление об авторе и истории создания этих записок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 18-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1«17»

Мемуары XVIII века прапорщика А. Я. Климова, недавно введенные в научный оборот, рассказывают о необычной судьбе мелкопоместного рязанского дворянина, оказавшегося в водовороте европейских событий Семилетней войны. Материалы, обнаруженные в рязанском архиве, помогают составить более полное представление об авторе и истории создания этих записок.

Ключевые слова и фразы: Рязанская губерния; дворяне Климовы; Семилетняя война; мемуары XVIII века; Г. Р. Державин.

Грачева Ирина Владимировна, к. филол. н.
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
yu.arhipova@rsu.edu.ru

**«ПОД СТРОГОЮ ПЛАНЕТОЮ НЕСЧАСТЛИВО РОДИЛСЯ...»
(ЗАПИСКИ РЯЗАНСКОГО ДВОРЯНИНА АЛЕКСЕЯ КЛИМОВА)**

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект РГНФ № 15-14-62001 а(р)
«Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».*

В фонде Г. Р. Державина, хранящемся в Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) в Петербурге, старший научный сотрудник Е. Д. Кукушкина обнаружила рукопись мемуаров XVIII века рязанского дворянина Алексея Яковлевича Климова. Под редакцией Кукушкиной и с ее комментариями эта рукопись была опубликована в 2011 году под заглавием, которое ей дал Державин, – «Похождение прапорщика Климова». Имя автора записок обозначено в акrostихе, которым он закончил свое повествование. Климов относился к числу тех мелкопоместных служилых дворян, о чьих судьбах мало могут поведать даже архивы. Но ему суждено было оказаться в водовороте драматичных событий, связанных с европейскими политическими конфликтами второй половины XVIII века.

В комментариях к запискам Климова ошибочно указано, что его отец Яков Григорьевич начал службу в 1723 году фурьером лейб-гвардии Семеновского полка. Его спутали с Яковом Ивановичем Климовым, представителем другой ветви этого рода [8, д. 34, л. 9 об. – 10]. В списках Азовского полка, составленных не позднее 1722 года, Яков Григорьевич значится «драгуном», одним из совладельцев рязанского сельца Борисково [1, с. 30]. По рассказу Алексея, в 1736 году Яков Григорьевич, капитан Казанского драгунского полка, приехал в отпуск на родину и «был так счастлив», что высватал невесту из рода князей Волконских. Княжескому семейству небогатый офицер приглянулся изрядной по тому времени образованностью – «чрез его учение» [13, с. 12]. Степан Степанович Волконский отдал Климову в приданое за дочерью Аграфеной часть своего имения в деревне Дьяконово под Рязанью [14, с. 157]. (В дальнейшем Дьяконово в документах именуют то деревней, то сельцом.) В то время семьи, как правило, следовали за офицерами, кочующими с полками по российским просторам. Алексей родился 13 марта 1739 года в Тобольске, где отец его служил секунд-майором в Олонецком драгунском полку. В шесть лет мальчик начал учиться грамоте у полкового вахмистра, выказав большие способности. Около 1746 года Я. Г. Климов был переведен премьер-майором в Ростовский драгунский полк в Харьков. Но Аграфене Степановне с детьми, прежде чем отправиться за мужем, необходимо было заехать по неотложным делам в Рязань. Путь был дальний, нелегкий и опасный. Тогда и начались «злополучия», которыми, по словам Климова, «несчастливая судьба» упорно преследовала его всю жизнь. Под Свяжском семья чуть не стала жертвой разбойников, промышлявших на лесной глухой дороге, где и дня не проходило «без смертного убийства» [13, с. 17]. На одной из остановок ночью загорелась изба, где спали путники. Аграфена, проснувшись в доме, со всех сторон объятая пламенем, «от страха великого» схватила лишь дочь и, «оставя всё, бросилась сквозь пламенеющий огонь в окошко» [Там же, с. 18-19]. Алексея и его брата Михаила, спавших глубоким сном, вытащил преданный слуга, сам при этом обгоревший. В огне погибла большая часть их пожитков.

В 1749 году отец Алексея стал подполковником Тверского драгунского полка, стоявшего в Кременчуге. Воскре старшая сестра Алексея, которую он «любил паче себя», в 16 лет была повенчана с инженером Рагозиным, но, «не жив года замужем», скончалась [Там же, с. 22-23]. Затем Алексей лишился матери, которая умерла после очередных родов. Не выжил и ребенок. Яков Григорьевич, «любя весьма горячо свою супругу», пребывал «в самом крайнем отчаянии» [Там же, с. 24]. Рушилась и его успешная военная карьера. На руках у него осталось пять детей, из которых подросток Алексей был старшим. За ним следовали Михаил, Александр, Екатерина и Елизавета. Воспитывать и обучать детей, возя их по полкам, было невозможно. Яков Григорьевич вышел в отставку, вернулся в родные края и перешел на статскую службу. По ревизии 1763 года коллежский советник Я. Г. Климов владел всего 26 крепостными душами в Борискове и Дьяконове [15, с. 61].

В 1753 году Алексей отправился на службу в Ростовский драгунский полк, стоявший в Козлове. К этому времени он знал не только грамоту, но математику и геометрию. По тем временам он был хорошо образован. Когда в 1767 году Екатерина II созвала Комиссию по составлению нового Уложения, дворянские депутаты, посылавшие указы от разных губерний (даже имевшие военное звание и княжеские титулы), порой не в состоянии были

подписать документ, и за них расписывались другие [9, с. 329]. Алексея определили писцом в полковую канцелярию, через два года он был произведен в капралы. В 1757 году его полк участвовал в усмирении «збунтовавшихся тогда киргизов» [13, с. 26], затем был переведен в Малороссию. Здесь и настигла юношу первая, пылкая и наивная любовь. Хотя его избранница Варвара Ивановна Ляхова, дочь вдовы-помещицы, не обладала ни родовитостью, ни достаточным приданым, Алексей без раздумий обвенчался с ней. Семейного счастья хватило лишь на полгода. Россия была втянута в политический конфликт между Австрией и Пруссией, получивший название Семилетней войны (1756-1763). Императрица Елизавета Петровна оказывала содействие Австрии. В 1758 году часть, в которой служил Климов, отправилась к месту военных действий, он получил чин вахмистра.

На отвоеванной прусской территории в местечке Гросвестин их капитан устроил привал, распорядившись постирать рубахи, разобрать и вычистить ружья. И при этом беспечно не нарядил караулов. Утомленные долгими переходами и обрадованные начальническим «послаблением» драгуны на постоялом дворе «легли спать совсем разобравшись, не довольно сказать, и штаны скинув, не поставя ни единого часового» и оставив разобранное оружие [Там же, с. 38]. В таком виде их и захватили ночью прусские «черные гусары». Так как Пруссия испытывала недостаток в военной силе, пленных сначала морили голодом, принуждая вступить в прусскую службу, а затем просто одели в прусские мундиры и разослали по полкам. Климов попал в гвардию и в Берлине нес караулы в королевском дворце. Он быстро выучился не только говорить, но читать и писать на немецком языке и вскоре получил чин младшего вахмистра. Многие же русские офицеры оказались лишь рядовыми. В 1761 году скончалась императрица Елизавета. Вступивший на престол Петр III заключил мир с Пруссией. Пленники надеялись, что теперь вернутся на родину. Но при размене пленных прусское правительство большое их число объявило умершими. По расчетам Климова, более десятка тысяч русских воинов поневоле вынуждены были продолжать службу в прусской армии.

Климов не склонен был давать оценку европейским политическим событиям, участником которых он оказался. Он отчаянно тосковал по родине, «с излитием тяжких слез и рыданием» [Там же, с. 44], мечтал вернуться домой, а для этого прежде всего нужно было выжить в тех динамично и непредсказуемо меняющихся обстоятельствах, которые простому человеку представлялись театром абсурда. Россия то поддерживала Австрию и захватила часть прусских владений, то вернула всё завоеванное Пруссии и оказала ей военную помощь против Австрии. Началось восстание в Польше, бунтовали чехи... Австрия и Пруссия активно переманивали друг у друга солдат. По рассказу Климова, однажды ночью из их корпуса на австрийскую сторону дезертировали «4 офицера, 6 унтер-офицеров и 500 рядовых разных полков» [Там же, с. 85]. Немецкое офицерство, несмотря на жесткую дисциплину, нередко оказывалось столь же неосмотрительно, как и русский капитан, из-за которого Климов попал в плен. В 1778 году возле горы Наход на прусскую часть, в которой служил Климов, ночью врасплах напали австрийцы. В темноте в беспорядочной схватке перемешались и нападавшие, и защищавшиеся. Генерал-майор Рот (Рат), выскользнув из своей палатки, «уполз в ближайший там лес» [Там же, с. 80]. Прискакавший на помощь генерал-лейтенант Тауенцин приказал стрелять из 40 гаубиц в гущу сражавшихся, что и заставило их разбежаться, спасая свои жизни. Утром выяснилось, что при этом погибло почти столько же прусских воинов, сколько и австрийцев. Но от короля Фридриха II это скрыли, отрапортовав о блистательной победе. В другой раз пруссаки ночью пленили безмятежно отдыхавший австрийский полк, а его полковник бежал. А вскоре победители сами оказались в плену у австрийцев... Несмотря на множество бедствий и страданий, пережитых Климовым, ему некого было в том винить кроме роковых стечений обстоятельств. Прямодушием, открытостью, добросердечием он неизменно привлекал к себе сердца тех, с кем его сводил случай. В прусском полку его любили и старшие офицеры, и особенно – простые солдаты («потому что я с каждым обходился порядочно») [Там же, с. 55]. Но недаром Климов свой акростих открывает строкой: «Под строгою планетою несчастливо тут родился» [Там же, с. 175]. По замечанию Е. Д. Кукушкиной, лейтмотивом его записок стала тема «злой судьбы», которая им «зачала играть» с момента его появления на свет. И единственно, что он мог противопоставить её жестокому своеволию, это терпеливую покорность Божьей воле и упование на Божье милосердие [Там же, с. 202-203].

Кульминационным в жизни Климова стал эпизод, когда он, служа в Берлине, в подпитии заспорил со старшим вахмистром, задержавшим его жалование. Получив крепкую пощечину («тысячу колеров показалось в глазах моих»), Алексей в «несказанной злости» спустил вахмистра с лестницы [Там же, с. 52]. Тот, ударившись головой о камень, скончался. Климова приговорили к расстрелу. Особенно горько для него было то, что приходилось погибать безвестно, на чужой земле. А на гауптвахте на глазах узника деловито шли приготовления к казни: привезли гроб, выложили белое с черным позументом одеяние смертника с пришитым на левой стороне груди черным сердцем в качестве мишени. Спустя много лет он с содроганием вспоминал эти «преужаснейшие церемонии» [Там же, с. 58]. Вечером с Климова сняли мундир, сапоги, сковали его цепью, чтобы не мог как-нибудь покончить с собой, и заперли в камере смертника. Однако ночью ему удалось сбежать, выломав проржавевшую решетку окна. До рассвета под проливным дождем он добрался до Потсдама и спрятался в одной из построек дворцового парка. Стояла поздняя осень с заморозками, мокрая рубаха на нем обледенела, израненные ноги не служили. И когда утром на соседнем лугу начались военные учения, на которых присутствовал король Фридрих, Алексей решил обратиться прямо к нему. У Климова он вызывал симпатии: «Он был доброго рассудка, нравоучителен, строг и притом многомилостив. Он никогда себя великолепно не убирал», носил суконный синий кафтан без всяких украшений, грубые, часто нечищенные сапоги. В походе нередко спал на земле среди солдат, подстелив плащ, и «с солдатами разговаривал так, будто был им ровный товарищ. Иногда сам спрашивал солдат, как с ними обходятся господа командующие, всё ли им доходит, как жалование, так и амуниция» [Там же, с. 45-46].

Король, увидев павшего к его ногам полураздетого, замерзшего, скованного человека, «весьма удивился» [Там же, с. 64]. Выслушав Климова, он распорядился вернуть его на гауптвахту и провести новое расследование. Правда, вспомнил он об арестанте лишь через несколько месяцев, когда тот уже изнемог от неизвестности и страха «наитягчайшей» кары. Наконец Климова повели на берлинский плац, где при всех должна была решиться его участь. За ним следовала вереница карет любопытствующих горожан. Видимо, его история с побегом и добровольной явкой на суд короля была уже многим известна. Фридрих, публично выясняя обстоятельства проступка Климова, обратился с вопросами не к его капитану, а к солдатам его роты. Так как погибший вахмистр был к ним непомерно жесток, солдаты единодушно старались оправдать Алексея. И он отделался самым легким наказанием – 15 ударами палашом. Довольные монаршим милосердием горожане собрали для натерпевшегося страха арестанта 60 золотых и прислали ему на гауптвахту множество кушаний и вино. Но есть он не мог: от пережитого потрясения он весь день «дрожал так, будто бы наижесточайшего лихорадкою одержим был» [Там же, с. 71].

В 1778 году, попав в плен к австрийцам, Климов нашел возможность обратиться к императрице Марии-Терезии, проезжавшей по аллее Шенбруннского парка. Но скрыл, что он русский, так как в то время Австрия была уже в конфликте с Россией, и представился прусским воином, желающим вернуться к своему королю. Императрица похвалила его за верность государю и одарила деньгами, а вскоре Климов получил свободу.

В безыскусных признаниях Климова ярко вырисовывается его характер: он – человек эмоциональный и в то же время стойкий и решительный; горячий, вспыльчивый – и одновременно щедрый и великодушный. Полученными от императрицы деньгами он тут же поделился с товарищами по плену. Пробираясь в свое отечество, он содержал на свой счет случайного попутчика. А тот обокрал его и бросил, когда Климов слег в горячке на постоялом дворе. Вскоре их вновь свела судьба. Алексей начал было укорять своего знакомого, но, увидев его бедственное положение, тут же позаботился о том, чтобы его накормить.

Климов был уже недалеко от русских границ, когда его схватили прусские вербовщики и вновь вернули в армию. Лишь тяжелое ранение в ногу освободило его в 1792 году от прусской службы. Более тридцати лет провел он на чужбине с одной лишь заветной мечтой: «О, Россия, хоша б я еще однажды в тебе явился» [Там же, с. 176]. И в то же время в своих записках он стремился поведать обо всем интересном и необычном, что встречалось ему в его странствиях. С восторгом он повествует о «наипрекраснейшем» Шенбруннском парке с его фонтанами и мраморными скульптурами. С удивлением – о польском городе Велички, под которым находились соляные копи, «так что весь город подкопан и стоит на подставленных под ним столбах. <...> Не без страха по оному городу и ездят, ибо когда кто едет, то трясется вся земля» [Там же, с. 109]. Заболев, он просил приюта в монастыре на словацкой горе Забор, где монахи, давшие обет молчания, объясняли жестами и спали в гробах. В монастырском саду его изумила яблоня с плодами размером чуть не с человеческую голову: «под каждым привязана была коробочка с пухом, <...> ежели упадет, чтоб оно не разбилось» [Там же, с. 99]. Заночевав в пути в заброшенном замке, он утром с любопытством обошел «весь оный дворец, премножество великолепных разных покоев, изукрашенных старинным манером живописью». И хотя жители соседней деревни со страхом уверяли его, что это – обиталище дьявольских сил, он этому «совсем не хотел верить» [Там же, с. 102]. Зато настоящий ужас он испытал в монастыре на озере Вигр. Ночью на сеновал, где он спал, забрался ручной медведь и улёгся у него под боком, причем не давал ему сбежать, рыча и придерживая его лапой. Бывалый воин до утра, пока тот не ушел, «дрожал от страха». Монахи же, которым он рассказал об этом, «помирили со смеху», уверяя, что их медведь еще никому не причинил зла [Там же, с. 151-152]. В записках Климова есть вставная новелла о приключениях «графа Пизы, ставшего пустынным». В этом чувствуется влияние традиций «занимательной» литературы, не исключена и немалая доля вымысла. Этот эпизод введен Климовым для подтверждения, как легко потерять человека в хаосе иррациональной, бурной жизни XVIII века: «Не один я на свете, который претерпевает в жизни своей великое бедствие» [Там же, с. 132].

В дороге Алексея ограбили и раздели догола, и ему пришлось просить помощи у общины беглых русских раскольников. Узнав, что он грамотен и вдобавок владеет немецким и польским языками, они уговорили Алексея остаться в общине и стать их «наставником». Тот категорично отказался. В дальнейший путь он отправился одетым в «рубашку с косым воротом, портки и старый мужицкий кафтан» [Там же, с. 156]. В таком виде, обросший бородой, босиком Климов явился в Гродно и решительно, преодолев сопротивление часового, вступил в приёмную залу дома генерал-аншефа М. Н. Кречетникова, руководившего военными действиями русской армии в Польше. Кречетников, окруженный многочисленной свитой, изумился: «Мужичок, откуда ты?». Климов протянул ему «пруссский абшид», т.е. документ об отставке [Там же, с. 157-158]. История бедствий рязанского дворянина особенно тронула Кречетникова, так как в 1778-1780 годах он был наместником Рязанской, Тульской и Тамбовской губерний. Он взял Климова под свое покровительство: тот получил чин прапорщика, обмундирование, деньги и подорожную для проезда в Рязань. В Полоцке Климов неожиданно встретил служившего там младшего брата Александра. Оба не удержались от слез, ведь домашние Алексея «считали давно умершим» и занесли в «помянутие» [Там же, с. 163]. В дальнейшем пути Климову помогали полоцкий наместник Я. Е. Сиверс, губернатор Полоцка С. В. Неклюдов, комендант Минска С. С. Миних, братья П. Н. и Н. Н. Салтыковы. Добравшись до родного Дьяконова, Алексей нашел там сестер – замужнюю Елизавету и вдову Екатерину. Муж Елизаветы, отставной прапорщик Козьма Феоктистович Логвенов, по данным 1788 года владел в Пронском уезде 21 покупной крепостной душой обоего пола, жена принесла ему в приданое 24 души в Дьяконове. У них было три сына: Николай, Дмитрий и Феоктист [7, д. 2, л. 64 об. – 65]. О муже Екатерины известно лишь, что он носил фамилию Мосолов. Средний брат Алексея Михаил Яковлевич, отставной капитан, жил недалеко, в деревне Чулково Скопинского уезда, и имел 83 души обоего пола [Там же, л. 713 об. – 714]. Женился он на Матрене Ивановне Полянкой, у них было две дочери и сын, названный в память о пропавшем старшем брате Алексеем.

От родных Климов узнал, что жена его скончалась, но у него есть сын. Отставной канцелярист Григорий Алексеевич Климов, женатый на Марии Панфиловне Мелиховой, в 1788 году был владельцем 30 крепостных душ в сельце Борисово Зарайского уезда, где и проживал. Он имел сына Ивана и дочь Домну [Там же, л. 25 об.]. Но ко времени возвращения Климова он уже перебрался в Дьяконово. В записках Алексей сообщал, как «обрадовался, что нашел себе сына», но «много плакал, что не застал в живых <...> любезной жены» [13, с. 175]. В реальности всё было иначе: в деревенском помещичьем домике разыгрался бурный скандал. Е. Д. Кукушкина отметила, что трогательную историю своей юной любви и недолгого семейного счастья автор «присоединил к рукописи позднее, чем был составлен основной корпус текста. Рассказ этот записан на вставных листах» [Там же, с. 199]. Кроме того, описывая в основном тексте свою тоску по родине, Алексей ни разу не упомянул о «любезной жене». Вернувшись домой и узнав, что неведомый человек, назвавшийся «его сыном Григорием, которого у него никогда не бывало», распорядился его скудным имуществом, Климов пришел в крайнее негодование. Григорий продал две семьи братьев Моисеевых, принадлежавших Климову, что для малоимущего дворянина было большим убытком. Алексей тут же начал судебное дело против «самозванца», дошел с прошением до губернатора А. М. Кологривова и везде с возмущением рассказывал: «...будучи в Санкт-Петербурге 1758 года, находящаяся при мне жена моя Варвара Ивановна дочь по отце Ляхова от меня бежала бездетною, о чем от меня тогда в полковой канцелярии объявлено, из которой о сыске её, жены моей, в тамошнюю полицию сообщено...» [5, д. 606, л. 2]. А затем изменница, ссылаясь на «умертвие» своего супруга, вторично вышла замуж за капитана Бартнева (Бартенева). Климов категорично отказался признать Григория своим сыном и требовал: «...прошу означенных крестьян со всем их семейством мне возвратить, а с виновными (т.е. с участниками незаконной сделки – И. Г.) поступить по закону» [Там же, л. 2 об.]. Попросту, он стремился привлечь их к уголовной ответственности. Судебное расследование тянулось полгода. Наконец или родные уверили Алексея в реальности отцовства, или он великодушно решил не продолжать семейной драмы. Алексей признал, что Григорий его «законный наследник», и ходатайствовал о прекращении дела [Там же, л. 4 об.]. Тут же он как старший в роде включился в более важную судебную тяжбу, которую вели его братья со статским советником И. А. Ушаковым, оспаривая наследство их двоюродной прабабки Авдотьи Екимовой в селах Городковичи, Мордвиново, Лосево с несколькими деревнями и пустошами. Но дело оказалось запутанным и безнадежно застряло в Сенате. Как и прежде в трудных жизненных ситуациях, Климов решил прямо адресоваться на высочайшее имя, прося «в рассуждении крайней его бедности, повелеть решить оное без очереди» [13, с. 7]. К прошению, поданному статс-секретарю Екатерины II Г. Р. Державину, были приложены записки Климова о его странствиях. В последний момент, когда состоялось примирение с Григорием, Климов ввёл в них трогательную вставку о взаимной любви и вынужденной разлуке со своей юной супругой, явно рассчитанную на чувствительное женское сердце.

Тридцатилетнее пребывание в иноязычной среде во многом определило языковые неправильности записок и запутанное построение отдельных фраз. Однако описаниям бытовых сцен и диалогам свойственны живые, непринужденные интонации. С психологической достоверностью передано нарастание обоюдной неприязни в споре Климова со старшим вахмистром, что привело к бурной ссоре, закончившейся драмой. С иронией пишет Климов об испуге капитана, узнавшего, что его подчиненный, нарушив все дисциплинарные правила, сбежал из-под расстрела и обратился прямо к королю. Капитан «сам прибежал» на гауптвахту, укоряя подопечного: «Что ты сделал?.. Ты бы по сие время уже спокоен был в земле, а теперь, кто знает, может статься, Королевское Величество велит тебя наитягчайшею смертию карать» [Там же, с. 66]. И читатель чувствует, что руководило им не сострадание к Климову, а опасение за свою карьеру. Пространная же вставка о любви Климова и Варвары Ляховой отличается даже по стилю. Автор явно старается подражать традициям «галантной» литературы. Герой, целуя руку возлюбленной, клянется: «...нет <...> в свете горячее и непреодолимее любви моей...». И молит: «не лиши меня жизни <...> не будь тиранкою всех моих несчастий». Герония (в реальности простенькая, малообразованная сельская девица) с жеманными вздохами и слезами заявляет: «...с первого нашего знакомства восчувствовала я некоторый пронзительный удар в моём сердце» [Там же, с. 31-33]. Предостерегает, что не допустит, чтоб её чести «какое-нибудь учинилось повреждение»: «Лучше перед твоими глазами соглашусь я умереть, нежели сносить какое себе бесчестное поношение» [Там же, с. 33]. Заканчивается вставка вымышленным сообщением, что Климов, беспокоясь о беременной жене, сам отправил её к родным, и она «с великим огорчением» его покинула [Там же, с. 34]. В конце же записок, рассказывая о том, какой неожиданностью стала для него встреча с Григорием, Климов добавляет неловкое оправдание, будто совсем «забыл» о ребенке, ожидаемом его любимой женой [Там же, с. 175].

Державин приготовил «экстракцию» записок Климова для доклада Екатерине II. Но недовольная своим статс-секретарем императрица в это время уже избегала встреч с ним. Дело Климова так и не было ей представлено. Проследить судьбы мелкопоместных дворян крайне сложно, тем более, что Я. Г. Климов и его сыновья даже не были внесены в дворянские родословные книги Рязанской губернии. Следы Алексея и Григория Климовых далее теряются. В 1798 году тяжбу с Ушаковым продолжала лишь вдова младшего брата Алексея подпоручика Александра Яковлевича Климова. Дело еще более осложнилось из-за того, что Александр, не дождавшись сенатского решения, успел в 1796 году продать за 200 рублей другому лицу часть имения, которое почитал своей долей наследства. Вдова просила аннулировать акт продажи и закрепить право на наследство за её «малолетними» детьми [6, д. 78, л. 1 – 1 об.]. Сенат постановил до выяснения всех обстоятельств передать спорное имение в казенное ведомство. Когда и где закончил свои дни Алексей Климов, неизвестно. Видимо, «злая судьба» преследовала его и на родине, не отказав ему лишь в одном утешении, о котором он писал в акростихе: «О, как я счастлив, что в отчизне умираю!» [13, с. 177].

Можно лишь добавить, что племянник Алексея Климова, сын его сестры Елизаветы Феокист Кузьмич Логвенков в юности также поступил в полк, дослужившись до штабс-капитана. Он участвовал в знаменитом Швейцарском походе 1799 года под командою А. В. Суворова, в 1812 году стал сотенным начальником в 4-м казачьем полку Рязанского ополчения, был в заграничном походе 1813-1814 годов [2, с. 60; 4, с. 259]. Ему и его семейству и принадлежало далее имение в сельце Дьяконове.

Особенность записок Климова состоит в том, что они изначально не предназначались ни для печати, ни для семейной памяти и были адресованы прежде всего тому, на чью помощь в трудной жизненной ситуации рассчитывал их автор. Поэтому главная их цель, заявленная в первых же строках, – не поведать о европейских событиях, свидетелем и участником которых оказался Климов, а нарисовать «бедного странствия трагедию» [13, с. 11] и вызвать сочувствие к своей горькой доле. Однако, направляя рукопись Державину, прославленному поэту, ставшему статс-секретарем императрицы, Климов постарался придать ей литературный вид, используя обращения к «благосклонному читателю» [Там же, с. 23], приёмы рассказа в рассказе, заботясь о занимательности повествования и завершив его пространным акростихом со своим зашифрованным именем. Возможно, он надеялся, что его записки дойдут и до государыни. Его попытка искать поддержки у Державина не случайна. В конце 1780-х годов Державин и его близкий знакомый А. А. Волков возглавляли соседствующие губернии – Тамбовскую и Рязанскую. Они всячески помогали друг другу, делились опытом по благоустройству и улучшению качества жизни вверенных им областей [10, с. 32-35; 12]. Волков запомнился рязанцам тем, что «усерднейший был любитель наук и народного просвещения» [3, с. 333]. Имя Державина также хорошо было известно в Рязани. Мнение о его общественной деятельности и заслугах отражено в оде, посвященной ему учителем рязанской семинарии М. Протопоповым (1792):

И <...> ты, Державин, веру чтишь,
Твой дух несчастным сострадает,
Щедротой жаждущих поишь [11, с. 417].

На это сострадание уповал Климов, направив в 1793 году свое прошение Державину. Но тот был бессилён ему помочь.

Список литературы

1. **Алфавит на именные книги пехотного Азовского полка.** Рязань: Тип. Губернского правления, 1897. 81 с.
2. **Апухтин В. Р.** Рязанское дворянское ополчение 1812-1814 гг. М.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912. 76 с.
3. **Воздвиженский Т.** Историческое обозрение Рязанской губернии, разделенное на пять периодов в виде летописца. Репринтное издание. Рязань: Изд-во РГПУ, 1995. 431 с.
4. **Горбунов Б. В., Рындин И. Ж.** Рязанский край и рязанцы в войнах с Наполеоновской Францией: опыт историко-энциклопедического словаря / под ред. Б. В. Горбунова. Рязань: Узорочь, 2013. 608 с.
5. **Государственный архив Рязанской области (ГАРО).** Ф. 3. Оп. 1.
6. **ГАРО.** Ф. 4. Оп. 6.
7. **ГАРО.** Ф. 98. Оп. 3.
8. **ГАРО.** Ф. 98. Оп. 10.
9. **Депутатские наказы и всеподданейшие челобитья от дворян Воронежской губернии** // Сборник Русского Исторического общества. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. Т. 68. С. 325-662.
10. **История рязанской власти: руководители Рязанского края. 1778-2008** / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Изд-во Рязанской обл. тип., 2008. 520 с.
11. **Кукушкина Е. Д.** Литературная культура XVIII века. Рязанский корреспондент Г. Р. Державина М. Протопопов // Пятое Яхонтовское чтения: материалы Межрег. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 14-17 октября 2008 г.). Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С. 415-420.
12. **Переписка Г. Р. Державина с А. А. Волковым** / публ. А. В. Селиванова // Журналы Рязанской губернской Ученой Архивной комиссии. Рязань: Губернская тип., 1884. С. 19-21.
13. **Положение прапорщика Климова (Мемуары XVIII века)** / подг. текста, статья и комментарии Е. Д. Кукушкиной. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. 262 с.
14. **Рындин И. Ж.** Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / под ред. Б. В. Горбунова. Рязань: Узорочь, 2007. Т. 10. Вып. 2. 520 с.
15. **Черников С. В.** Помещики и крепостное крестьянство Рязанского уезда в 20-60-х гг. XVIII века (по материалам первой и третьей ревизий) // Рязанская старина, 2004-2005 / сост. А. О. Никитин, П. А. Трибунский. Рязань: Край, 2006. Вып. 2-3. С. 31-89.

“I WAS BORN UNDER AN UNLUCKY STAR” (MEMOIRS OF A RYAZAN NOBLEMAN ALEKSEI KLIMOV)

Gracheva Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
yu.arhipova@rsu.edu.ru

Ensign A. Ya. Klimov's XVIII century memoirs recently introduced into the scientific use describe the unusual destiny of a Ryazan squireen caught up in the swirl of European events of the Seven Years' War. The materials discovered in the Ryazan archive help to develop more detailed conception on the author and history of these memoirs.

Key words and phrases: Ryazan province; noblemen Klimovs; Seven Years' War; memoirs of the XVIII century; G. R. Derzhavin.